

Елена

ШИШКИНА

*

И не пишется про рассветы,
И не верится, и не бьётся.
Нас, как всех, в полотне заветов
Доставали со дна колодца.

И мы выжили и вписались
В мир слепых на картине Босха.
Почему-то всегда казалось,
Что красивее там, где просто.

И поэтому сердце – камень,
И поэтому скучен берег,
Мы с тобою, как все, руками
Измеряем, не зная мерок.

Только глупым не страшен выстрел,
Только диким не нужен угол,
Потому этот камень вызрел,
Чтобы спрятать под круглый купол.

И чтоб выжили и вписались
В мир железный под ржавой крышей,
Мы как будто не здесь остались,
Мы как будто за хлебом вышли.

Под ногами асфальт зыбучий
Тянет также, как всех, в трясину.
Мы чертовски с тобой живучи,
И поэтому уязвимы.

*

Я брожу по горящему городу в поисках лиц,
Пустотой порождённый – заложником Нагасаки.
Здесь есть пагода, небо, есть тонны горящих страниц, –
Нет живых, говорящих со мной, только мор и собаки.

Я, несломленный зимами, преданный горной звезде,
Достаю из карманов пустые бумажные свёртки,
Как последний спасительный выстрел на этой земле,
Что услышат меня, сэберегут, как хрусталь в обёртке.

На обугленных солнцем ресницах осталась соль,
Раскидавшая древний состав по чужим десницам,
Я так много веков отрекался от всех юдоль
И не зря отдавал всё, что было, пустым страницам.

Я забытый, здесь брошенный пёс, что во время жатв
Часовым на цепи завывает отчаянно в поле.
Когда вечные силы с высот свои планы вершат,
Почему допускают ошибки у врат контроля.

Надо было свершиться руками в другой заре,
Где на землю вступают с жизненной яркой силой,
Где нет трупов детей за грехи первородных царей,
Где нет страха и боли меж выстрелом и могилой.

Я как будто оставленный здесь переписчиком душ,
Что смогли уцелеть в этом хаосе Нагасаки.
Здесь последнее место из всех освящённых суш,
Где на смерть не слетаются вороны и зеваки.

*

Мне четвёртый десяток, я падаю навзничь на стёкла,
Капли крови сбегают из тела закрытого вляса.
Если море – волнуется, небо – от выстрелов блекнет,
И любимые лица становятся чёрными враз.

У меня одно сердце, и больше мне, в общем, не надо.
С ним одним бы суметь продержаться до пятых дверей.
Моя память играет на звеньях, и вся анфилада,
Как от выстрелов, гаснет, не делая разум мудрей.

Я смиренно шагаю, как будто привыкшая к смерти,
Каждый беглый прохожий заранее чёрств и убог.
Я закрою глаза и однажды в бумажном конверте
Свое имя найду на билете, покинув порог.

Г&А

Я по первому слову тебя рассекречу все:
По дрожанию губ, по прообразам смятых строк.
На меня, как на ведьму, надели стальную сбрую,
А ты смотришь так нежно, как смотрит на землю Бог.

Ты откроешь глаза этим утром, и станет ясно,
Что на твердь опускается снег, как карающий гнёт,
Как падение в пропасть от белого в тёмно-красный,
Как божественный замысел, знающий наперёд.

Ты откроешь глаза – и заколет в плече от соли,
Как от резкого тонкого стёклышка остря,
Как от боли, что рвёт каналы сухой ладони,
Как от праздного бесполезного бытия.

В зарифмованных фразах моих эта боль привычно
Часовым механизмом, защитником всех живых
Оставалась, но образ, вставленный без кавычек,
Будет в памяти где-то, как лица из сороковых.

В черновом исполнении лирики две фигурки
И огромная птица, убитая на гербе.
Между нами четыре выстрела в Петербурге,
Непонятные небу, понятные мне и тебе.